

Он не знал, где находится, и не понимал, почему, будучи поражённым омега-лучами Дарксайда, он оказался здесь и всё ещё сохранял сознание.

Когда он воскресил Супермена для борьбы со Степным Волком, Кларк сказал: смерть забрала часть его, трудно сказать, какую именно, но он точно стал другим. Брюс тогда не мог понять, но теперь, кажется, осознал, что имел в виду Супермен.

Он стоял в этом тёмном ящике и вспоминал. Неудивительно, что яркие воспоминания о семье и друзьях постепенно тускнели, а на первый план выходили лишь мучительные моменты: жемчужина, катящаяся в канализацию в тёмном переулке; бесчисленные кошмары, где летучие мыши, казалось, несли его к свету, но он так и не достигал его; и костюм Робина, выставленный в Бэтпещере.

Он принадлежал Дику.

Он должен был быть самым ценным и бережно хранимым напоминанием о погибшем хозяине, но на нём остались насмешливые следы краски Джокера: «Ты — шутка, Бэтмен.»

Это было предупреждение и насмешка. Он привык к ежедневной боли, к постоянной ненависти и гневу, но он не мог вынести этого, этого чувства вины... как будто эта молодая жизнь оборвалась из-за того, что он втянул её в эту тьму.

Он не искал ни одного нового Робина после Дика.

Альфред перед этим боем снова упомянул, что надеется, что он сможет отпустить прошлое и найти счастье:

— Ради ваших покойных родителей, вы уже в возрасте, когда пора осознать свою судьбу. Я не хочу, чтобы в шестьдесят лет мы с вами оставались вдвоём в этом поместье, два старых холостяка, замышляющие, как продолжать играть в 007...

Что он ответил?

Как и всегда, он сказал Альфреду:

— Я уже старше, чем был мой отец, когда умер.

Он позволил воспоминаниям медленно проноситься в его сознании, выходя из прибора.

Формирование не удалось, и он оставался тенью, свободно перемещающейся между светом и тьмой. Он бродил по санаторию, где каждое помещение было наполнено чудесами, и он прошёл мимо того самого сотрудника с золотистыми волосами, который ждал его лечения вместе с маленьким директором (он не узнал Лютора, того высокого и не худощавого мужчину с прекрасными длинными волосами, держащего ведро краски), и наконец остановился в холле

санатория.

Яркая, почти ослепительная фигура полностью захватила его внимание.

Джокер...!

Гнев и ненависть, утихшие после смерти, мгновенно заполнили его грудь, он готов был броситься вперёд —

Но прежде чем он успел это сделать, он увидел, как эта фигура весело улыбнулась, подняла на руки маленького пациента, который подбежал к ней, и даже подарила ему бесплатный воздушный шарик. Она умело держала полувзрослого ребёнка, мягко учила его называть цвета шарика, заботливо вытирала грязь с его рук...

Это был не Джокер.

Его эмоции внезапно опустошились, и он остался на месте, словно воздушный шарик, из которого выпустили весь воздух.

Усталость и подавленность вернулись в его сердце — если оно у него ещё было. Брюс медленно перевёл взгляд на маленького директора с седыми кудряшками, который тоже спустился вниз.

Трудно описать чувства Данталиона в тот момент. Он держал в руках яйцо, словно потерянный ребёнок, обнимающий своего плюшевого мишку — это давало ему немного душевного спокойствия.

Данталион всегда считал, что жить лучше, чем умереть. Жизнь — это надежда. Эта вера поддерживала его, пока его не усыновил старый директор, помогла ему с оптимизмом завершить расторжение контракта с компанией — он ведь не потерял жизнь, разве это не самая большая надежда?

Но он должен уважать желания пациента. Если пациент потерял надежду на жизнь, он должен уважать его выбор. Однако это уважение не приносило ему радости, и ему было трудно смириться с тем, что он просто наблюдает, как этот человек исчезает из мира. Поэтому, когда тень посмотрела на него, Данталион лишь слабо улыбнулся и, избегая взгляда, повернулся и ушёл.

Если не видеть, то, возможно, будет не так больно!

Брюс, конечно, заметил, как его присутствие повлияло на маленького директора. Он огляделся в холле, но, кажется, никто не обращал на него внимания, всё было ему безразлично. И он, не задумываясь, последовал за ним, держась на расстоянии.

Данталион случайно обернулся и вздрогнул, увидев тень:

— О! Что случилось? Вы передумали?

Его полный надежды взгляд чуть не заставил Брюса рассмеяться. Помолчав, он сказал маленькому директору:

— Я ещё не решил.

Да, ему просто нужно время, чтобы осмыслить последствия смерти. Возможно, когда он разберётся со своими эмоциями, он согласится на лечение и вернётся на поле боя... или нет.

Мимолётное разочарование на лице маленького директора чуть не заставило Брюса утешить его, но пятидесятилетний опыт позволил ему дипломатично справиться с этим:

— Что это?

Брюс спросил, одновременно касаясь огромного чёрного яйца, которое невозможно было не заметить в руках маленького директора.

Это был бы отличный способ отвлечь внимание —

Если бы его не засосало в это яйцо!

Оба были застигнуты врасплох, всё произошло слишком быстро, и Данталион даже не успел моргнуть.

Маленький директор, наблюдая, как тень исчезает в яйце: «...»

Данталион: «!!»

Тихое чёрное яйцо начало бешено трястись, и Данталион, как новоиспечённый отец перед родами, в панике закричал:

— Сэр! Сэр, с вами всё в порядке? Вы что, собираетесь родить?!

Тяжёлое яйцо, конечно, не ответило ему, и через некоторое время даже перестало трястись. Данталион тут же испугался: чёрт! Неужели это конец — яйцо и человек погибнут вместе? Нет! Его ребёнок!

Данталион быстро позвал Джеки, и они вдвоём подняли огромное яйцо, свернули огромную бумажную трубку и, вспомнив школьные практические занятия, попытались рассмотреть желток на солнце.

Джеки, не зная предыстории, после настойчивых просьб Данталиона взглянул на яйцо:

— О, директор, поздравляю, это двойной желток!

Данталион: «?!»

Он в шоке опустил яйцо, потрогал его неровную скорлупу:

— ...Извините... Похоже, вам придётся родиться, я не могу позволить своему ребёнку умереть внутри! Может, выйдете, а потом решите, как покончить с собой?

Чёрное яйцо оставалось неподвижным.

Данталион чуть не заплакал:

— Это не моя вина! Вы сами полезли!

Благодаря расширяющим заклинаниям Короля-лича, старый замок наконец был расширен настолько, что смог вместить достаточно больших помещений для приёма пациентов. Более того, вампиры-сотрудники вскоре завершили обучение, а общежитие для человеческого персонала наконец было достроено. Теперь на территории за пределами тумана больше не было только двух корпусов — 1-й и 2-й. Король-лич снял заклинания, скрывавшие Башню Лича, и высокая чёрная башня возвышалась за замком, рядом с землями клана вампиров, украшая ранее пустующую территорию вместе с аккуратными жилыми зданиями для человеческого персонала.

Тень, которая чуть не стала неудачным случаем, всё же выжила, хотя причина была в её собственной неосторожности... Но Данталион, окрылённый радостью, устроил торжественную церемонию открытия второго корпуса, чтобы отпраздновать это событие. Призрачные сотрудники тоже были рады: официальное открытие вампирского отделения означало, что те двенадцать призраков, которых отправили помогать, наконец смогут вернуться в 1-й корпус, и с сегодняшнего дня они смогут наслаждаться льготами сменного отпуска!

<http://bllate.org/book/15533/1381153>